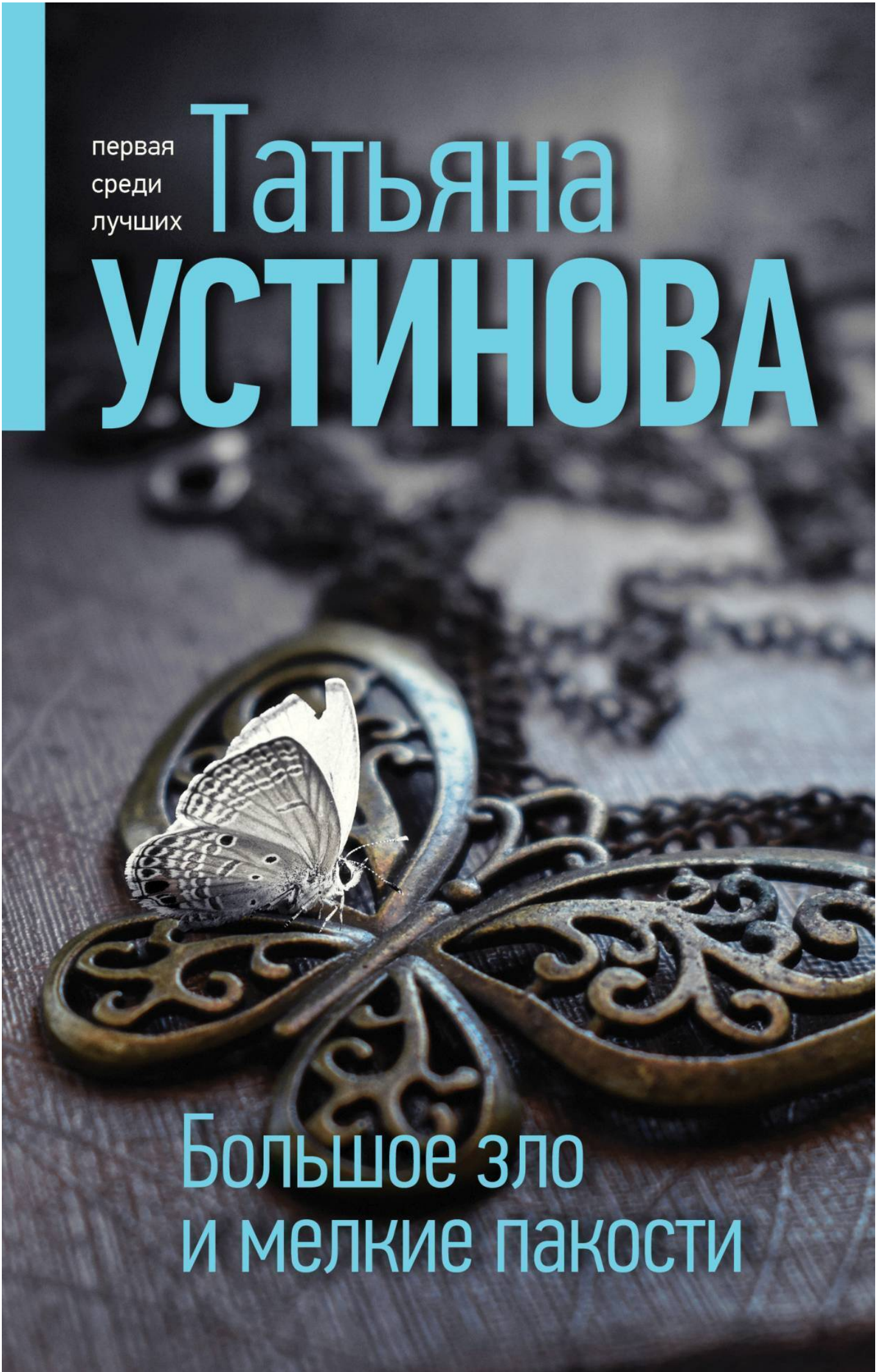
первая среди лучших

Татьяна УСТИНОВА



Большое зло и мелкие пакости

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Татьяна Устинова

Большое зло и мелкие пакости

«Эксмо»
2003

Устинова Т. В.

Большое зло и мелкие пакости / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2003 — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 5-04-010280-1

Министр по делам печати и информации Потапов решил поехать на вечер бывших выпускников неожиданно для себя. Просто рано освободился. Он пожалел о своем идиотском порыве сразу, как только в школе поднялся переполох вокруг его особы. После вечера он вышел на школьный двор следом за Марусей Сурковой, у которой когда-то списывал. И тут раздался хлопок, и Маня упала. Потапов подхватил ее из лужи крови и, не слыша криков охранника, повез в Склифосовского. Он был уверен, что пуля предназначалась ему. Странно, но кто мог знать, что он поедет в школу? Вот и следователь считает, что покушались именно на Марусю. Только кому она нужна?

ISBN 5-04-010280-1

© Устинова Т. В., 2003
© Эксмо, 2003

Татьяна Витальевна Устинова
Большое зло и мелкие пакости

«Самый верный способ получить ответ – это задать вопрос».
Ирландская поговорка

Толпа, высыпавшая на школьный двор и разом заполнившая его, была довольно многочисленной. Бывшие выпускники еще что-то договаривали друг другу, курили и хохотали. Жидкий свет уличных фонарей разгонял темноту только с середины асфальтового пятачка, на котором толпился народ, а за чахлыми кустиками живой изгороди, которую с маниакальным упорством пыталась вырастить бессменная «ботаничка», колыхалась плотная мартовская темень. Школа сверху донизу сияла непривычными для этого часа огнями, но они не разгоняли, а уплотняли окружающую тьму.

Можно работать. Никто ничего не заметит.

Пистолет лежал в ладони легко и удобно. Кожа чувствовала привычные шероховатости металла, и это было как бы знаком того, что работа будет сделана хорошо.

Еще секунд сорок. Пусть с крыльца спустятся все, кто там застрял. Чем больше народу, тем лучше, удобнее.

У ворот много машин. Это тоже неплохо. Декорации должны быть как можно более значительными, тогда они отвлекают на себя внимание, и само действие уже мало кого интересует.

Водитель «Мерседеса», который был припаркован ближе всех, запустил двигатель, очевидно, заметив хозяина.

Значит, осталось совсем немного.

Раз. Два. Три…

– Ну что? Ты уезжаешь или остаешься?

– Как остаешься? А что, кто-нибудь остается?

– Ну конечно! Только что договаривались в бар пойти, посидеть еще немного. Время-то…

– Ребята, ну что мы решили?

– Дин, ты с нами или уезжаешь?

– Я даже не знаю, я домой собиралась…

– Вовка, а ты?

– А Димка Лазаренко где?.. Он тоже вроде собирался!

… шесть, семь, восемь…

До десяти.

Помешал резкий неучтенный в плане операции звук.

За спиной затормозила машина, хлопнула дверь, и пришлось оглянуться, чтобы посмотреть, что происходит.

Широкозадая и кургузая «Тойота» остановилась прямо посреди проезжей части. Пассажирская дверь распахнулась, из нее деловито выбирался мальчишка. Кто-то руководил им с водительской стороны, из-за машины не было видно, кто именно.

– Федор, не беги через дорогу! Сначала посмотри! Не спеши, ты слышишь меня или нет?!

– Да я ее уже вижу!

– Где?

– Вон она! Мама! Ма-ам!

– Федор, я здесь!

Так. Этого не должно быть. Никаких детей тут быть не должно. Сейчас он побежит, и вся работа сорвется, а второго такого случая может не представиться.

Сейчас.

Пистолет как будто потяжелел в руке. И стал очень горячим. – Так что, ребята? Кто куда идет?

– Да мы вот собираемся…

– Дмитрий Юрьевич, спасибо вам большое за то, что вы нашли время…

Выстрел был почти неслышен – резкий хлопок, и только. Расчет был правильный. Никто ничего не понял. И все-таки в последний момент помешал этот чертов мальчишка. Рука дрогнула, не подчиняясь.

– Ма-ам!

Толпа внезапно как-то странно шарахнулась, подалась куда-то, и в ее сердцевине начал закручиваться вопль. И в этот вопль, как в центр смерча, стало затягивать все – смех, говор, урчание двигателей, припадочные моргания фонаря на столбе… И от «Мерседеса» уже кто-то бежал, на ходу доставая пистолет, и вопль перерос в визг, и люди бросились врассыпную, как при бомбежке.

Только одна скрюченная фигура осталась на освещенном асфальтовом пятачке.

Вокруг нее растекалась черная лужа, и ей некуда и незачем было бежать.

Коридор все сужался, и стены наваливались, мешая дышать. Пыльная и сухая труба, по которой скользила рука, становилась все горячее, и страшно было, что в темноте рука может наткнуться на что-то еще, кроме этой трубы, но невозможно было убрать руку, оторваться от горячей металлической твердости. Тогда не осталось бы ничего, что пока еще сдерживало панику, скрученную в тугую и колкую спираль где-то ниже горла. Если дать ей развернуться, она выхлестнет наружу, ударит, проткнет насквозь, и тогда – все.

Конец.

Нужно дойти. Осталось совсем немного.

Нет. Это вранье. Никто не знает, много ли еще осталось, но выхода нет, все равно нужно дойти.

А если уже некуда идти? А если стены надвинутся так, что придется ползти, задевая черепом за каменный потолок, а потом уже будет не выбраться? И кончится воздух, и жаркая темнота вползет в голову, в легкие и пожрет то прохладное и свободное, что там еще осталось?! А осталось там совсем немного.

Возвращаться нельзя. И нельзя посмотреть назад.

Пот тек по лбу, скатывался за воротник и противно высыхал за ухом.

Нет. Не дойти. Стены все ближе, воздуха все меньше, труба все горячей, волосы скользят по близкому душному потолку.

Сейчас ударит развернувшаяся спираль паники, и тогда – все.

Зачем, зачем?! Как все бессмысленно, и как все глупо!

Плечи одновременно коснулись стен, трясущаяся рука внезапно нащупала что-то странное, явно не металлическое, высохшее, но бывшее когда-то живым, как скальп индейца, и паника наконец ударила.

Крик сгустился из черной духоты, а вовсе не был порождением измученных горящих легких. Крик толкнулся в уши, проткнул их насквозь, ворвался в мозг и затопил его до краев.

Какое-то время крик существовал как будто сам по себе, снаружи, а потом он оборвался.

И тогда стало еще страшнее.

За три часа до происшествия

– И чего тебя туда несет? – Алина качала ногой, облитой черной тканью колготок. Нога была хороша. Колготки – «Омса, серия велюр» – тоже ничего. Офисная юбка – все как полагается, английский кашемир до середины колена – на этот раз была легкомысленно задрана и открывала ровную, розовую даже под чернилами колготок гладкость Алининого бедра.

Время от времени, стряхивая пепел с невиданной тонкости пахитоски, Алина с удовольствием посматривала на собственную качающуюся ногу.

– Ну что ты там будешь делать? Встреча одноклассников! За каким чертом они тебе сдались, эти одноклассники! Чего ты там не видала?!

Маруся укладывала волосы феном перед раздвижным трехстворчатым зеркалом и от нетерпения мотала головой, отцепляя от волос постоянно путавшуюся в них щетку. Из одежды на ней были только трусы, а все остальное еще предстояло найти, напялить, оценить, одобрить или отвергнуть.

Нелегкая задача. Особенно когда «до бала» осталось двадцать минут. Впрочем, все как всегда.

– Лучше дай мне лак, – Маруся накрутила на щетку очередную прядь и решила, что ее хорошо бы обильно полить лаком. По задумке прядь должна была изящно спадать, или, как это называла Алина, «струиться», со лба на висок, и потому ей отводилась особая роль и, соответственно, требовалась особая форма.

Пошарив рукой и что-то с грохотом свалив с утлого столика, Алина сунула в ладонь подруге холодный длинный баллон.

– На. Подавись своим лаком. Я бы ни за что не пошла.

– Ты и не идешь, – сообщила Маруся резонно.

– А ты зачем идешь?

Маруся зажала баллон между колен и проворно схватила с подставки фен.

Алина пилила ее всю неделю. Как только узнала, что она собирается на «встречу друзей», так принялась ее пилить усердно и методично, день за днем. Маруся вздыхала и отмалчивалась, по опыту зная, что такая тактика единственно верная. Если начать Алине возражать – хлопот не оберешься. И главное, все равно все останутся при своем мнении.

– Алин, я сто лет нигде не была, а тут вполне законный повод. Встреча выпускников.

– Ну да, – согласилась та и с силой смяла в пепельнице остатки своей невиданной пахитоски, – повод. Не я ль тебя, душеньку, приглашала на прошлой неделе на презентацию этих… как они… ну, которые мебель продают… как же… Впрочем, хрен с ними. У них все как у людей было, в «Мариотте», с хорошей едой, с певцами и певицами, с увеселениями, с развозом! Что ж ты не пошла?

– Алин, ну в какой еще «Мариотт» я пойду людей смешить! У меня один выходной костюм. Я его в девяносто шестом году купила на рынке в ЦСКА.

– Мы его вместе купили, – буркнула Алина и, соскочив со стола, подошла и взяла у Маруси фен, – стой, не вертись, я тебе чуть-чуть поправлю…

– Ма-ам! – прогудел из соседней комнаты Федор. – Мам, ты не знаешь, где мой английский?

– В кухне на подоконнике, – тут же отрапортовала Маруся. – Если ты будешь по всему дому разбрасывать свои вещи, я…

– Знаю, знаю, – сообщил Федор уже из коридора, – ты все соберешь и выбросишь в мусорное ведро. Только я все равно и из ведра достану.

– А ты что, математику уже сделал?

– Да-а…

– Что-то я сомневаюсь. Алин…

– Ну конечно, – перебила подруга, накручивая на щетку следующую прядь, – первый раз, что ли!.. Математику проверим, английский согласуем, новые слова выпишем, старые повторим и только после этого станем в дурака играть!

– А может, сначала в дурака, а потом английский согласуем? – спросил Федор лукаво и сунул в дверь круглую башку.

Федору на днях стукнуло девять. Он был очень самостоятельным, несколько рассеянным мальчиком, обладал превосходным чувством юмора и учился на одни пятерки. Во-первых, потому, что это было легко, а во-вторых, потому, что ему нравилось доставлять удовольствие матери.

– Брысь! – шикнула на Федора Алина. – Не нервируй родительницу, а то она сейчас вообще никуда не пойдет, останется с нами английский учить.

– Нет уж, пусть идет! – перепугался Федор за дверью, и они засмеялись.

Алина выключила фен и стала осторожно и продуманно распределять по Марусиной голове только что сформированные пряди. Услышав, что в соседней комнате Федор, повздыхав, придвинул стул к столу, она попросила жалобно:

– Мань, я тебя умоляю, ты хоть с ним не разговаривай, что ли!.. Хотя, может, его вовсе и не будет.

Жалобный тон совершенно не шел ей, как будто она по ошибке нацепила одежду с чужого плеча, но Маруся была благодарна ей за заботу.

– Ну, конечно, может, и не будет, – проговорила она успокаивающе, – что ты сама извелась и меня извела?! Я же не ради него иду! Все давно прошло, мне даже не интересно, будет он там или не будет.

– Я знаю! – возразила Алина, возвращаясь к прежнему энергичному тону. – Я все знаю, дорогая! Конечно, ты идешь не из-за него, но как только его увидишь, сразу сиганешь в какой-нибудь угол и там до конца вечера протрясешься. А я потом тебя буду коньяком отпаивать.

– Не хочу слушать никаких твоих выдумок, – сказала Маруся холодно, и Алина посмотрела на нее с жалостью.

Десять лет назад, на таком же вечере Маруся Суркова повстречалась с бывшим одноклассником Димочкой Лазаренко. Как водится, «после долгой разлуки».

«Разлука» длилась пять лет, прошедших после окончания школы, и за эти пять лет Маруся ни про какого Димочку ни разу не вспомнила. Почему-то на этой встрече Димочке пришло в голову, что скальп Маруси Сурковой, бывшей отличницы, тихони и даже не синего, а «серого чулка», отлично украсит его коллекцию женских скальпов, собранную за солидную донжуанскую практику.

Скальп занял почетное место в галерее на удивление скоро, Лазаренко и сам не ожидал, что добыча окажется такой легкой и… не слишком интересной. Охотнику не пришлось часами лежать в засаде, вздрагивать при виде чуть шелохнувшейся ветки, с замиранием сердца рассматривать еще не заветренные следы у сердитой горной речки – глупая «серая зайчиха» доверчиво выскочила из леса прямо на сверкающее начищенной сталью дуло.

Димочку такие легкие победы не занимали. Несколько дней он забавлялся тем, что наблюдал, как дикий зверь становится все более ручным, домашним и милым, как начинает тереться головой о подставленную руку, как преданно заглядывает в глаза, ожидая похвалы и ласки, как валится в траву, подставляя беззащитный живот, как приучается выполнять команды, а потом ему все это надоело, и он зверя застрелил.

Просто взял и застрелил, равнодушно глядя в преданные умильные янтарные глаза.

Если бы не Федор, доставшийся Марусе от Димочки, вряд ли она пришла бы в себя так скоро. А может, и вообще не пришла бы.

Если бы не Федор, который должен был родиться, и не лучшая подруга Алина.

С тех пор прошло десять лет.

За эти десять лет Маруся иногда видела Димочку, но он никогда не видел Марусю, и ее лучшей подруге Алине очень хотелось, чтобы все оставалось по-прежнему. Она отнюдь не разделяла неожиданно взыгравшее в Марусе желание ворошить прошлое, и даже боялась его.

Зачем ей понадобилась эта дурацкая встреча с одноклассниками?! Что за интерес встречаться с какими-то чужими, полузнакомыми, неинтересными людьми? Ладно бы еще нужда

заставляла, а так, по собственной воле?! Сама Алина назад никогда не оглядывалась, в воспоминаниях не ковырялась и выражение «жить прошлым» ненавидела.

– Ты юбку погладила, мать?

– Вчера еще. Вон на кресле висит.

– Ты что, наденешь эту юбку?!

Маруся усмехнулась.

– Алин, у меня все равно другой нет. Вернее, остальные еще хуже. А на ту, в которой на работу хожу, я третьего дня кофе пролила и до химчистки еще не доехала.

– Как хочешь, – сказала Алина решительно, – но в этой идти нельзя.

У нее были свои, отличные от Марусиных, понятия о жизни и о том, в чем можно, а в чем нельзя идти на светский раут, коим ей представлялась встреча с одноклассниками. Маруся ее за это не осуждала.

Они дружили… сколько же?.. лет двадцать, наверное, и столько же лет расходились во взглядах на окружающую действительность. Их дружбе это нисколько не мешало, вопреки научным представлениям о невозможности «женской дружбы» вообще и о дружбе двух столь разных особей женского пола, как Алина и Маруся, в частности.

Алина окончила очень престижный, блатной и еще черт знает какой Институт международных отношений и процветала в должности генеральной директорши рекламного агентства.

Маруся пять лет уныло тянула лямку в МАИ, еле-еле дотянув до диплома, ни дня по специальности не работала и вполне удовлетворилась ролью секретарши при большом начальнике. Начальник был редкостный хам и самодур, но выбора у Маруси не было. Ей нужно было добывать пропитание себе и Федору, а на Алинины предложения о трудоустройстве под ее начало Маруся не соглашалась. Работать кое-как она не умела, а проводить в офисе по двадцать часов, как Алина, не могла. Из-за Федора.

– Мань, не тряси ты головой, ей-богу! Мало того, что юбка – дерьмо, будет еще на голове овин!

– Да ладно, уже все нормально. Хватит. И опаздываю я!

– Ничего, опоздаешь. На такие мероприятия приходить вовремя неприлично.

– Это у вас там, в верхах, приходить вовремя неприлично, а в наших низах только вовремя и приходить. Опоздаешь, все без тебя съедят и выпьют…

Алина засмеялась и дернула Марусю за волосы.

– Не переживай. Мы с Федором что-нибудь организуем. В смысле съесть и выпить.

– Алин, – сказала Маруся серьезно, – спасибо тебе, конечно, но ты его все же в «Седьмой континент» не таскай. Он же еще не понимает ничего. Мне потом ему объяснять разницу в нашем материальном положении – себе дороже…

– Все он понимает, – буркнула Алина и пустила в Марусину голову длинную струю лака.

Она как раз собиралась повезти Федора в этот дурацкий «Седьмой континент». Федор любил мороженое с орехами, и тоненькие копченые колбаски, и свежие огурцы, и огромные красные яблоки, а ей нравилось доставлять ему удовольствие. В конце концов, у них был один ребенок на двоих, и это именно она десять лет назад не разрешила Марусе сделать аборт. Иначе не было бы сейчас никакого Федора…

– Готово! – объявила Алина, недовольная собственными мыслями, и отступила на шаг, чтобы полюбоваться на преображенную Марусину голову, – можешь напяливать свою суперюбку!

Маруся была уже в дверях, когда подруга крикнула из кухни:

– Мы за тобой заедем! Во сколько там все заканчивается? В девять, как в детском саду?!

– Вроде в девять, – пропыхтела Маруся. Она завязывала ботинки, и говорить ей было неудобно. – Спасибо, Алин! Только в «Седьмой континент» вы все равно…

– Ладно-ладно, – появляясь в дверях, сказала та. В руке у нее была морковка. – Все ясно, не надрывайся.

Маруся посмотрела на нее и вздохнула. Ей было совершенно ясно, что подруга все сделает по-своему, включая заезд в этот чертов «Седьмой континент».

– Так мы тебя заберем! – крикнула Алина ей вслед, когда она уже сбегала по лестнице, и эхо ее голоса отразилось от влажных подъездных стен и, как мяч, поскакало впереди Маруси. – Ты в случае чего нас подожди!..

– Ладно! – Маруся, навалившись, распахнула тяжеленную подъездную дверь. Ветер взметнул «особую» прядь так, как будто она вовсе не была особой, и Маруся поняла, что все старания пошли прахом. Ну, если еще не пошли, то к моменту появления в школе обязательно пойдут – на улице было сыро и ветрено.

Вот, черт побери, везение!.. Когда она уходила с работы, было тихо, ни дождя, ни ветра. А лучшая подруга Алина отродясь не знала, какое на дворе время года – в ее машине климатические условия всегда были одинаково прекрасными, и она, формируя Марусину прическу, ветер и дождь не учитывала. Жалко, что в кармане плаща нет никакого пакетика, приготовленного для хлеба. Его вполне можно было бы пристроить на голову, а при подходе к школе снять.

Перед ее мысленным взором моментально появилась она сама с целлофановым пакетом на голове, и Маруся громко захохотала, напугав какого-то смирного дяденьку, тащившего огромную сумку, из которой свисали перья зеленого лука. Дяденька дико на нее взглянул и переметнулся на другую сторону тротуара. Наверное, решил, что Маруся имеет виды на его сумку с луком.

Да ладно. Черт с ней, с прической. Конечно, жалко Алинкиных усилий, а больше ничего не жалко. Что с прической, что без прически – один черт: Маруся Суркова была и осталась неинтересной серой мышью, сгорбившейся на задней парте.

Серый чулок. Отличница.

Моль облезлая, так ее дразнили классе в шестом, наверное. К десятому сжалились и дразнить перестали, но к этому времени Маруся уже сама была совершенно твердо уверена, что она «облезлая моль» и «серая мышь». Непонятно, помешала ей в жизни именно эта уверенность или помешало что-то вовсе другое, но как-то ничего у нее не складывалось так, как хотелось в юности.

В далекой юности, когда ее дразнили «облезлой молью» и «серой мышью».

Человек на противоположном тротуаре замедлил шаг и пропустил ее вперед. Сумка мешала ему, и было очень непривычно держать в руках что-то объемное и неудобное, да еще эти луковые перья!..

В местной школе сегодня торжественный вечер. Она тоже направляется туда. Поспешает. Бережет прическу. И шлейф заморских духов летит за ней в сыром и плотном воздухе. Он уже встретил не одну такую поспешающую барышню, пока таскался с этой идиотской сумкой вокруг этой идиотской школы.

Сегодня у всех были дела поблизости от школы. И у него тоже.

Не удержавшись, он сунул руку в недра влажного и холодного сумочного нейлона, под луковые перья, и нащупал удобно и плотно лежащее вороненое тело пистолета. Под курткой пистолет ему мешал. В сумке ему тоже не место, но он потом его поудобнее переложит.

Неизвестно, как все остальные, а он свое сегодняшнее дело обязательно сделает.

Один выстрел. Только и всего.

– Смотри, смотри – неужели это Потапов приехал?!

– Где?! Где Потапов?!

– Да тише ты, не ори!

– Да вон смотри! Ты что, не узнаешь его?!

– А мне тоже говорили, что он будет, но я даже…

– Он же ни разу не приезжал за все пятнадцать лет!..

– А зачем ему приезжать, на тебя посмотреть, что ли?

– Да тихо, говорю же!.. Неприлично, вы что, не понимаете?!

– Да ладно, можно подумать, что он нас слышит! Ему до нас и дела-то никакого нет!

– Ему, может, и нет, а охране есть! Вон косится!.. Моментально в морду даст!

Потапов услышал, как охранник за его спиной тихонько хмыкнул. Такие диалоги-монологи, а также более широкоформатные обсуждения – с тем или иным отклонением от услышанного текста они выслушивали регулярно.

У Совета Федерации. У родного министерства. В концертном зале «Россия», когда Потапов посещал «Песню года». Сам бы он никогда в жизни туда не пошел, но его матери хотелось…

– Возвращайся в машину, – сказал Потапов охраннику, – говорил же я, нечего со мной таскаться!..

– Положено, Дмитрий Юрьевич, – пробормотал из-за его плеча охранник.

Уходить в машину ему не хотелось. Что там делать в этой машине! Три часа кряду кроссворды разгадывать? От радио уже башка трещит, и от кроссвордов в глазах темно. Развлечений никаких. И министр какой-то чудной – за руль норовит сам сесть, охрану все время по домам отправляет. Никакого уважения к статусу. Вот прежний министр был!.. Тот… да. Тот посерьезней был начальник. В его присутствии даже сидеть нельзя было. А этот… Что за начальник! Так, мелюзга какая-то.

Впрочем, охрана относилась к Потапову неплохо. Он не слишком их загружал, вернее, совсем не загружал, всегда отпускал, если они отпрашивались «по делам», по ночам почти никогда не шлялся, если застревал в ресторанах и на банкетах, предупреждал или вообще отправлял по домам, хоть это было и «не положено».

Потапов поднялся на школьное крыльцо – жидкая толпа курящих разом повернула головы в его сторону, и разговоры все смолкли, и глаза загорелись, и, словно ветерок, потянулась с той стороны тоненькая, но весьма осязаемая струйка любопытства.

Ох-хо-хо…

Именно за это Потапов ненавидел свою работу.

Он был растиражирован «средствами массовой информации» до такой степени, что подчас не знал, где он сам, настоящий Потапов, а где выдуманный этими самыми растреклятыми «средствами». Да еще охрана, доставшаяся ему в наследство от его предшественника, по слухам, человека строгого, но справедливого, вполне осознающего два своих места – место под солнцем и место в истории родной державы!

Потапов свое место в истории пока не осознавал и смутно подозревал, что не осознает никогда, по крайней мере в такой степени, когда требовалась личная охрана, два сменных шофера, отдельная буфетчица с отдельными бутербродами, отдельная дорога на отдельную дачу за отдельным забором и так далее.

Не то чтобы Потапов был воинствующий демократ или член секты по борьбе с привилегиями, просто у него имелись в наличии… здравый смысл и чувство юмора, нахально вылезавшее как раз в тот момент, когда он был уже почти готов осознать это самое собственное место в истории. Чувство юмора мешало его осознанию, и оно опять откладывалось на неопределенный срок.

Потапов неприязненно покосился на смолкшую толпу, не зная, то ли ему здороваться, то ли не здороваться – знакомых лиц он там пока не видел.

Господи, зачем его понесло в эту школу, на эту «встречу друзей»! Дел на работе особенных не было, сидел бы сейчас на даче, пил пиво и телевизор смотрел! Или к родителям бы съездил! И Зоя должна звонить. Она уже дома и, наверное, гадает, где он сейчас, ее драгоценный Потапов, какие важные государственные вопросы решает…

– Здравствуйте, Дмитрий Юрьевич, – неестественным голосом поздоровался с ним кто-то из толпы.

– Здравствуйте, – буркнул он. Охранник распахнул перед ним облезлую школьную дверь.

Это еще школьное начальство не знает, что приехал «сам Потапов». Сейчас узнает, будет Потапову веселье. До конца жизни хватит воспоминаний.

Всю неделю в его приемную звонили дамы из комитета, занятого подготовкой этой никому не нужной встречи. Он так понял, что это какие-то его бывшие одноклассницы. Фамилий он не знал, да они, наверное, сто раз поменялись, эти фамилии. Помощник Анатолий Николаевич несколько раз спрашивал шефа, готовиться им к мероприятию или нет, а Потапов все тянул и мямлил, и помощник решил в конце концов, что шеф не поедет. Дмитрий и сам не знал, что на него нашло, почему ему захотелось поехать. Помощник был не в курсе его ностальгических переживаний, и потому к мероприятию не приготовились. Торжественной встречи с представителями районной администрации, первоклассниками, цветами, неизменным шатким микрофоном и коричневой трибуной в актовом зале не планировалось.

Сейчас все будет. И микрофон, и трибуна, и тетки из районной администрации.

Потапов с тоской оглянулся на охранника. Может, назад повернуть, пока не поздно? К телевизору, холодильнику с пивом и Зое?

Охранник поймал его взгляд и, кажется, обо всем догадался. Он был неглупый, молодой, отлично выученный и привыкший к обществу «сильных мира сего». Ему были хорошо знакомы их начальственные эмоции и переживания, он отлично умел их классифицировать и сейчас совершенно безошибочно определил, что шефу маятно и неловко и до смерти охота все отменить.

Ну так и что же? За чем дело стало?

Он так придержал перед Потаповым вторую дверь – из холодного тамбура в теплое школьное нутро, – что было непонятно, то ли он пропускает его вперед, то ли, наоборот, готов выскочить следом за ним обратно на улицу.

От позорного бегства Потапова удержала только мысль о жидкой толпе на крыльце, которая, как только он скрылся за первой дверью, загомонила, захохотала, зашевелилась, и он выловил из общего шума несколько раз повторившуюся собственную фамилию.

Не пойдет он обратно. Конечно, ему нет до них никакого дела, но все же обратно он не пойдет. Не маленький.

Ему было лет десять, когда однажды на горке его закидали снежками. Отец научил его лепить и кидать снежки – очень метко. Наивный десятилетний Дима притащился на горку вместе со своими облезлыми санками и сразу затесался в толпу чужих мальчишек, которые бросались снежками. Потапов тоже стал бросаться – и несколько раз попал. Почему они на него ополчились, было непонятно, наверное, именно потому, что он оказался самым метким, только очень быстро он очутился один под лавиной жестких ледяных комьев, которые летели ему в голову, в живот, в лицо, за шиворот. Он даже дышать не мог, не то что сопротивляться, хотя поначалу ему было весело, и он бодро бросал снежки в ответ. Потом ему уже не было весело, и стало очень больно, и неизвестно откуда взявшиеся слезы булькали почему-то в животе, грозя перелиться через край и затопить горло и глаза, а этого гордый Потапов допустить никак не мог. Мальчишки быстро вошли во вкус и швыряли куски льда и снега прямо ему в лицо, стоя всего в двух шагах, и Дима понял, что нужно бежать, спасаться, но бежать ему не позволяла гордость.

С работы шел отец, увидал пропадавшего ни за грош сына и моментально спас его, разогнав осатаневших мальчишек.

«Ты что, Митька?! – сильно прижав его к куртке, спросил отец. Куртка снаружи была очень холодной и славно пахла отцом и морозом. Потаповские слезы тонкой слюдяной пленкой застывали на ней. – Ты разве не понимаешь, что это уже никакая не игра, а просто… издева-

тельство какое-то? Что это за игра, когда все на одного?! Зачем ты в нее ввязался, ты же разумный человек, а не безмозглое чучело! И доблести в этом никакой нет, только глупость одна!»

Потапов плакал – перед отцом не стыдно, перед отцом вполне можно и поплакать, – утирал мокрые горящие расцарапанные щеки колкой от растаявшего снега варежкой, очень жалел себя, и любил папу, и остро ненавидел врагов, с которыми так и не справился.

С тех самых пор он остерегался толпы и раз и навсегда усвоил, что силы противника вполне могут быть превосходящими.

Вряд ли те, на крыльце, могли чем-то ему помешать или… навредить, но еще раз проходить мимо них, тем более спасаясь бегством, Потапов не желал.

Он решительно шагнул в школьную раздевалку, сощурился от внезапно упавшего, как с неба, очень яркого света и сказал охраннику:

– Саша, я же сказал, чтобы ты в машину возвращался. И не делай такое лицо, я здесь долго не пробуду. Ну, съездите с Пашей в «Макдоналдс». Денег дать?

Он всегда отправлял их поесть, за что и охранники и водители его очень ценили.

– Не могу, Дмитрий Юрьевич, – с сожалением ответил охранник. Поесть ему очень хотелось, да и пока ездили бы, время прошло, – объект незнакомый, люди чужие, черт знает… – Не поедем мы никуда. И в машину я не вернусь.

Потапов вздохнул, уже понимая, что от охранника ему не отвязаться.

– Ладно, Саша. Только ты того… служебное рвение особенно не демонстрируй. Все-таки я здесь учился когда-то и директриса, по-моему, еще старая…

Охранник кивнул и с некоторым высокомерием посмотрел в кашемировую потаповскую спину.

Надо же, какой нежный! «Директриса, по-моему, еще старая»! И есть ему дело до этой самой директрисы! Он кто? Он большой человек, министр, по слухам – а слухи, которые бродят от водителей к охранникам и обратно, гораздо вернее, чем те, которые бродят от Чубайса с Вяхиревым к Сванидзе с Киселевым, – скоро вице-премьером станет, если нигде не лопухнется. Конечно, и вице-премьерский век недолог, но зато сладок, ох как сладок, это охранник Саша точно знал, а этот малахольный о какой-то там директрисе печется! Да она должна непременно в курином обмороке пребывать, если только ей уже сообщили, что у подъезда школы стоит «Мерседес» «самого Потапова»!

Дмитрию Юрьевичу удалось беспрепятственно дойти примерно до середины вестибюля, когда наперерез ему бросилась какая-то смутно знакомая тетенька в прозрачной кофточке с бантами на шее и оборками на груди, животе и плечах. На голове у нее были локоны, а в руках громадная коленкоровая папка.

Потапов содрогнулся.

– Здравствуйте! Вы наш выпускник? В каком году вы окончили школу и кто был ваш классный руководитель? Вы раньше посещали подобные вечера или сегодня приехали в первый раз? Вы общаетесь с кем-то из бывших одноклассников или дружбу ни с кем так и не сохранили?

Безостановочно выстреливая в него вопросами, она одновременно шарила глазами по потаповской физиономии и заглядывала в свою гигантскую папку, как будто черпала вопросы оттуда. Глаза у нее были живые, горячие, черные, и смутное воспоминание в голове у Потапова неожиданно оформилось, выступило из тумана и приобрело совершенно конкретные очертания.

– Тамар, – перебил ее Потапов, – это ты, что ли?

Тетенька перестала выстреливать свои вопросы и всмотрелась в него с некоторым недоверием.

– Это я, – сказала она почти нормальным голосом, – а вы кто?

– А я Митя Потапов, – сообщил он, смутно радуясь тому, что хотя бы один человек не узнал его с первого взгляда, – мы с Кузей на литературе прямо за вами сидели. Ты всегда Кузе давала списывать, а Суркова мне. Ты что, не помнишь?

Тетенька, бывшая раньше Тамарой Бориной, быстро вздохнула, от чего все ее банты и оборки совершили волнообразное движение, еще раз вгляделась в него и вдруг ойкнула на весь вестибюль так, что на них оглянулись все, не посвященные в то, что среди них «сам Потапов», и прикрыла рот ладошкой, как будто опасаясь, что не справится с собой и завизжит.

Потапов растерялся. Он не ожидал такой… чересчур живой реакции. И охранник за плечом нервировал его ужасно.

– Ми… Ми-тя? – по слогам переспросила бывшая Тамара. – Ми… тя Потапов?

– Ну да. Ты же ведь Тамара, правильно? Тамара Борина.

– Я… не Борина, – заикаясь, пролепетала тетка, очевидно, плохо понимая, о чем именно она говорит, – я теперь Селезнева, а раньше была Уварова… – она оглянулась по сторонам, как бы ища поддержки и опоры в привычном окружающем мире, и наткнулась на насмешливый взгляд потаповского охранника. На охранника она уставилась почему-то с ужасом.

Потапов тоже оглянулся, чтобы посмотреть, что именно вызвало в ней такой небывалый эмоциональный подъем.

Ничего особенного он не увидел. Только охранника Сашу, за плечом которого открывался школьный вестибюль, залитый беспощадным электрическим светом и выкрашенный в скамеечный темно-голубой цвет. Сиротские зеркала без рам отражали лица и спины учеников, пришедших на «встречу друзей». Их было на удивление много. Потапов был уверен, что на эту самую встречу, кроме него, идиота, явятся еще два-три таких же придурка и классная руководительница Калерия Яковлевна. Но в зеркалах отражалось великое множество народу, и он вспомнил, какую бурю пришлось пережить школе, прежде чем директриса приняла решение повесить эти зеркала.

«Какие еще зеркала в школе?! Что вы хотите там рассматривать?! Вы приходите сюда за знаниями, а вовсе не за тем, чтобы любоваться на себя в зеркало! Или вы собираетесь перед ним красоту наводить?! Так здесь школа, а не салон красоты!»

«А почему тогда в учительской зеркало есть?! – кричал комсорг Вовка Сидорин. – Почему учителям можно красоту наводить, а нам нет?!» Потапов помалкивал. Его зеркала в вестибюле не слишком интересовали. Он читал Хемингуэя и весь был в той войне, в тех страданиях, смертях и любви.

– Господи, – пробормотала рядом Тамара Селезнева, бывшая Борина, бывшая Уварова, – Митя Потапов… это… ты?

– Я, – согласился Потапов, которому надоел этот разговор, – а ты не видела никого из… наших?

Он не слишком понимал, что имеет в виду под словом «наши» – одноклассников, наверное, – но ему хотелось поскорее отойти от Тамары Бориной-Уваровой-Селезневой – а просто так бросить ее ему было почему-то неловко.

– Разрешите ваше пальто, Дмитрий Юрьевич, – сказал из-за его плеча охранник, которого эта тетка развлекала, и он решил поддать пару.

– А? – переспросил Потапов и оглянулся. – А, да, конечно…

Он непочтительно выбрался из черного кашемира и кое-как сунул его Саше в руки.

– Все наши здесь, – пробормотала Тамара и неожиданно залилась краской, – мы вас никак не ждали, Дмитрий Юрьевич… Нам сказали, что вы не сможете быть на нашем вечере, и мы вас не ждали… Мы даже не подготовились… Как же это вы… приехали?

– Взял и приехал, – ответил он довольно грубо.

Почему-то ему не понравилось, что Тамара стала называть его на «вы». Он не на банкете в «Балчуге» и не на приеме в английском посольстве. Он же ясно объяснил ей, что сидел за ней

на литературе, и Кузя списывал у нее, а сам Потапов у Сурковой. Интересно, Суркова стала такой же дурой, как эта?

Впрочем, наверное, и эта самая Тамара тоже не дура. Просто на нее такое впечатление производит нынешнее потаповское положение. Оно на всех производит одинаковое впечатление.

– Маргарита Степанна, Александр Андреич! – вдруг заголосила рядом с ним Тамара. – К нам приехал Дмитрий Юрьевич! К нам приехал Дмитрий Юрьевич Потапов!

«К нам приехал, к нам приехал Сергей Сергеич дорогой!» – уныло вспомнил Потапов фразу из величальной песни.

Хотел простых человеческих радостей, Сергей Сергеич, дорогой? На воспоминания тебя потянуло? «Школьные годы чудесные! С книжками, с чем-то там, с песнями»? Вот получи! Что теперь морду воротить! Поздно.

Лучше бы с крыльца развернулся и уехал. Ей-богу.

Со всех сторон к ним теперь лезли любопытные, и издалека приближался бессменный завуч Александр Андреич, и откуда-то должна была вынырнуть Маргарита Степанна, да еще о Калерии Яковлевне он позабыл, а она наверняка тоже была где-то поблизости.

– Сюда, сюда, – хлопотала оказавшаяся к нему ближе всех Тамара, – проходите, Дмитрий Юрьевич, пропустите нас, пожалуйста! А с кем это вы? Ах, это ваша охрана! Проходите, проходите! Видите, как много у нас сегодня народу, все откликнулись на призыв нашего комитета, а мы еще сомневались, стоило ли затевать все это! А ваша супруга не приедет? Нет?

Она стрекотала теперь, как из пулемета, и оглядывалась на толпу, теснившую их, и глаза у нее были дикие и восторженные.

Последний раз, поклялся себе Потапов, последний раз поддался всяким бредовым ностальгическим идеям. Первый и последний. Лучше бы к родителям съездил. Или на Российское телевидение. Давно бы надо, а он все тянет, все не знает, что именно станет там говорить, идиот!

Охранник, довольный таким неожиданным и сокрушительным успехом шефа, посапывал у плеча, и Потапов был совершенно уверен, что он думает, будто шеф все эти китайские церемонии затеял специально – для того чтобы выглядеть высокопоставленным и знаменитым, но простым и скромным. Конечно, профессионал в охраннике настойчиво шептал, что из толпы лучше бы выбраться поскорее, тем более площадка не подготавливалась и не разрабатывалась, и он ничего не знает – ни где двери и окна, ни как попасть на лестницу или к черному ходу, но Саша не особенно слушал свой внутренний профессиональный голос.

Вряд ли кто-то из бывших учеников этой районной московской школы сейчас бросится на шефа с ножом или стволом. Тем более шеф вовсе и не собирался сюда ехать. Да и не нужен он никому, по правде говоря…

Охранник не знал, что человек с пистолетом, надежно уложенным под луковыми перьями, уже пришел на заранее выбранное место и основательно приготовился к работе.

Маруся сидела очень неудобно – в середине актового зала, за чьей-то могучей спиной. Ей совсем ничего не было видно, кроме коричневого пиджачного плеча Мити Потапова, который в самом начале вечера был с такой помпой помещен в президиум, что Марусе стало смешно. Слева и справа от него примостилось высшее школьное начальство, а где-то в середине вечера подгребло еще и районное, очевидно, оповещенное школьным о том, что у них на вечере присутствует Дмитрий Потапов. Как его там?.. Иванович? Юрьевич? Районное начальство было встречено вконец потерявшейся от обилия высшей власти директрисой с подобострастными поклонами и приседаниями. Седенькие, кое-как завитые волосы у нее на макушке мелко дрожали. Марусе было ее жалко.

Бедная, бедная… Как пить дать, сделается у нее вечером гипертонический криз, и будет она принимать валокордин и капотен и жаловаться своему глухому мужу, что на нее в один вечер навалилось все сразу – выпускники, районо, федеральный министр – «сам Потапов»! – префект, супрефект, и прочая, и прочая, и прочая, как писалось раньше в царских манифестах.

Кроме суеты вокруг министра, из-за которой никто из выступавших не мог и двух слов толково связать, Марусю очень занимал вопрос присутствия Димочки Лазаренко.

Зря она изображала перед Алиной наплевательское лихое равнодушие.

Да, да, прошло много лет. Да, их больше ничего не связывает. Да и тогда, наверное, их тоже почти ничего не связывало, кроме Димочкиного непонятного желания заиметь Марусю в качестве боевого трофея и ее обморочной в него влюбленности.

Все правильно.

Только все равно она потащилась на этот вечер, чтобы посмотреть на него. Просто посмотреть. Вспомнить мужчину, с которым когда-то ей было так… необыкновенно. Нет, наверное, не самого мужчину – что там его вспоминать! – а то состояние души, которое она пережила с ним и больше не переживала никогда.

О, это было потрясающее, раз и навсегда изменившее всю ее жизнь и перевернувшее душу состояние. Господи, сколько всего намешано было в том, что в книжках и фильмах называлось затасканным словом «любовь». До Димочки Маруся тоже с легкостью произносила это слово, не придавая никакого значения его смыслу. То есть как и во все на свете, она вкладывала в это слово вполне обычный житейский смысл и не знала, не ведала, глупая, самоуверенная девчонка, в каком огне ей предстоит сгореть!

Поэтому Маруся вертелась в середине своего ряда, закрытая чьей-то могучей спиной, пытаясь определить, приехал Димочка или не приехал, так что в конце концов какая-то бывшая выпускница, сидевшая слева, больно ткнула ее локтем в бок.

– Спокойно нельзя посидеть? – прошипела она. – Слушать невозможно!

Слушать было, собственно, и нечего, но Маруся покорно притихла.

Слово предоставили Дмитрию Потапову, который оказался все-таки Юрьевичем, а не Ивановичем. Он быстро произнес какую-то довольно дружелюбную и связную ахинею, удивив Марусю, считавшую, что все как один государственные деятели его уровня косноязычны от природы. Однако Потапов со своей короткой речью справился просто блестяще. В нужных местах зал похохотал, потом грустно и сентиментально притих, а потом, как положено, разразился «бурными и продолжительными».

Маруся тоже похлопала.

Молодец Потапов. В люди выбился, говорит хорошо, выглядит приятно. Брюхо не отрастил, волосы не все растерял, научился носить костюмы и галстуки, охранника за плечом совершенно не замечает, как будто его там и нет, и на ритуальные танцы вокруг себя начальников рангом пониже, кажется, не слишком обращает внимание.

Хорошо бы с ним поговорить, все-таки много лет подряд он списывал у нее литературу, а она у него – алгебру и английский. Английский Потапову давался так легко, как никому из их класса, а Марусе в самых кошмарных снах до сих пор снились эти проклятые времена «паст перфект» и «герундий».

Впрочем, что зря мечтать. Вряд ли ей дадут с ним поговорить. Как только кончится действо и начнется застолье, кто-нибудь из местного начальства под ручку утащит его в «отдельный кабинет», или он сам удалится в «Мерседес», который Маруся видела у школьного крыльца, со скучающим, несколько утомленным, но вполне благожелательным видом, как и положено начальнику его уровня, посетившему такое ничтожное мероприятие, чтобы отдать дань милым детским воспоминаниям.

А жаль. Маруся могла бы попроситься к нему на работу.

Ей вдруг стало так неловко, что она покраснела и оглянулась на сердитую соседку слева – не услыхала ли она как-нибудь крамольных Марусиных мыслей.

Что это пришло ей в голову! Наверное, не только директрисе, но и ей, Марусе, придется на ночь тяпнуть чего-нибудь успокоительного! Что за ерунда! К Потапову теперь нельзя даже просто подойти, не говоря уж о том, чтобы просить об одолжении! Случайно получилось так, что когда-то они были знакомы, и теперь она вполне может похвастаться в компании, что лично знает «самого Потапова», но «сам Потапов» нынче вряд ли захочет даже плюнуть в ее сторону!..

И все-таки жаль. Вдруг это был бы ее шанс?

Маруся Суркова всегда старалась использовать все возможности до конца. Ради Федора и его спокойной жизни она готова была не только кинуться в ноги ставшему совсем чужим и взрослым бывшему однокласснику Потапову, она могла бы землю копать. Или бревна таскать. Да все что угодно.

А на работе у Маруси все было… не слишком хорошо, и это напрямую угрожало благополучию Федора и ее собственному. Вспомнив об этом, она внезапно перестала слышать и видеть, и ей стало все равно, приехал Димочка Лазаренко или нет.

Она не может потерять работу. Они не выживут, если она потеряет работу. Даже двух месяцев без работы она не протянет.

А начальник, между прочим, с каждым днем становился все холоднее и холоднее, и как-то странно морщился в ее присутствии, и что-то все отворачивался, и распоряжения отдавал напряженным высоким голосом, что – Маруся знала – являлось признаком высшей степени недовольства.

Она очень старалась. Она работала быстро и безупречно. Она выполняла его указания еще до того, как он договаривал их до конца. Она не обращала внимания на его хамство, раздражительность и перепады настроения. Она изо всех сил пыталась облегчить и организовать его работу как-нибудь так, чтобы эта работа хоть как-то делалась, поскольку он сам, личность высокого творческого полета, считал, что работать вовсе не должен, что он исключительно хорош уж тем, что просто существует на свете – в этой должности, в этом кабинете, среди богатой мебели, в окружении евроотремонтированных стен, изящных настольных безделушек, которые ему привозили со всего мира, среди люстр, искусственных и живых цветов, глухих дорогих ковров – всего этого нового блеска, появившегося так недавно и моментально вытеснившего из высоких кабинетов былую начальственную канцелярщину.

Маруся работала не за страх, а за совесть, не позволяя себе ни лишнего слова, ни необдуманного жеста, и была совершенно уверена, что еще немного – месяц, два, – и он ее уволит.

Жаль, что не придется поговорить с Потаповым. Терять ей все равно нечего, а он много лет списывал у нее литературу. Впрочем, она тоже много лет списывала у него английский.

Маруся усмехнулась, возвращаясь обратно – из тревожных, нервных и лихорадочных дум о работе в школьный актовый зал, где уже заканчивалась торжественная часть, и от сгустившейся парфюмерной духоты начинала побаливать голова, где в задних рядах уже умеренно шумели подуставшие от речей бывшие ученики, мечтая поскорее приступить к банкету, а седенькие завитки на макушке у директрисы тряслись все заметнее и заметнее.

Может, он и не приехал. Может, его не нашли, когда обзванивали выпускников восемьдесят пятого года. Или он не захотел приехать. Или не смог. Напрасно она мучилась бессонницей, и выслушивала Алинины колкости, и не проверила сегодня английский у Федора, потратив все время на изобретение какой-то необыкновенной прически. Он не приехал. Ну и черт с ним.

Пробежали хлипкие аплодисменты. Директриса все еще что-то говорила в микрофон, а по всему залу уже вставали с мест, хлопали по карманам в поисках сигарет, махали друг другу, и префект – а может, супрефект – в президиуме уже крепко взял под руку Потапова, намереваясь вести его в «отдельный кабинет». Маруся тяжело вздохнула и поднялась с места, ругая себя

за то, что потащилась на этот вечер, и только время потеряла, и теперь чувствует себя так, как будто ей публично надавали по щекам. Соседка слева, стремясь поскорее выбраться из ряда цепляющих за колготки школьных стульев, уже вовсю на нее наседала, Маруся повернулась, чтобы идти, и нос к носу столкнулась с Димочкой Лазаренко.

Всю торжественную часть он просидел за Маней Сурковой. Маня понятия не имела, что он сидит прямо за ее спиной и слышит каждый ее вздох и видит каждое ее движение, и это его забавляло.

Когда-то он с ней спал, и она даже доставляла ему удовольствие. Такая была… свеженькая, глупенькая, неиспорченная совсем, как героиня фильма про деревню семидесятых. Дура, конечно, но тогда ему не было никакого дела до ее умственных способностей. Его привлекала ее свежесть, «подлинность», как он назвал бы это сейчас. Тогда, десять лет назад, это слово еще не было в таком ходу.

Как все изменилось за эти десять лет!

Из ученика художественного училища Димочка превратился в процветающего художника. Издательства наперебой заказывают ему иллюстрации, и гонорары вовсе не так уж скудны, и собственная мастерская уже не кажется пределом мечтаний, и на тусовках восторженные барышни от искусства провожают его горящими взглядами, и он принимает эти взгляды как должное, потому что знает – он хорош, молод, довольно известен, и со временем станет еще известнее, его картины покупают уже сейчас, и тот самый небольшой заказ от мэрии он выполнил просто блестяще, и совсем недавно его показали в крошечной программке на Третьем канале, посвященной столичной светской жизни. Программка была кем надо замечена, оценена, взята на учет, как и заказ от мэрии, и многое другое.

Успехи были налицо.

Правда, его немножко смущало, что тот самый заказ он получил через отца, на выставку в Манеж две его картины определил дядя Вася, друг семьи, бывший главный архитектор столицы, а программку на Третьем канале делала продвинутая дочь другого старинного отцовского приятеля, редактора какого-то литературного журнала.

Отец тоже был художником.

Вернее, это Димочка был художником тоже. Всю жизнь его отец занимал начальственные посты в Союзе художников и в разнообразных комитетах, подкомитетах, комиссиях, подкомиссиях и президиумах – кажется, «подпрезидиумов» все же никогда не существовало. Отец был «широко известен в узких кругах», и Димочка некоторым образом шел не то что по проторенной, а, можно сказать, по хорошо асфальтированной дорожке, оборудованной фонарями и автозаправочными станциями.

Это его смущало, да.

Лучше бы, конечно, все сделать самому. Лучше бы, конечно, он был «самородок» из глухой провинции, пришедший перевернуть мир, заставить планету искусства сойти с орбиты и начать вращаться в каком-то совсем другом направлении, чтобы штурмом взять столичных снобов, зажравшихся и давно оторвавшихся от истинных ценностей, но…

Но получилось так, что он сам и был этим столичным снобом.

Ну и что? Ему не пришлось никому ничего доказывать, и работать до кровавых мозолей тоже не пришлось, и голодать в нетопленых съемных развалюхах, экономя деньги на дорогие краски и холсты. Все это чрезвычайно романтично, конечно, но Димочка вполне понимал, что лучше так, как есть.

Пусть он не просто художник, а художник тоже. И нет никакой принципиальной разницы, откуда выплыл тот самый заказ от мэрии, самое главное, что он был. Ведь был? Был. И будет еще не один, в этом Димочка совершенно уверен. И иллюстрации его нисколько не хуже, чем у других. Может быть и… не лучше, но ведь и не хуже.

Все в его жизни было хорошо и правильно, и, если бы не ошибка, допущенная недавно, он был бы совершенно спокоен и счастлив, разглядывал бы тощую шейку дуры Сурковой и чувствовал бы себя гордым и уверенным победителем.

Да. Ошибка.

И как это он?.. Нет, ничего такого, он во всем разберется, ему только нужно время. Совсем немного времени, и он все уладит. Дернул его черт тогда! Следовало бы все проверить хорошенько и получше замести следы, а он понадеялся на свое обычное везение, и напрасно.

Самое главное, что она узнала об этом. Даже не сама ошибка, а именно то, что об этом знала она, тревожило его ужасно. Так, что в переполненном и душном школьном зале он вдруг почувствовал, как по спине холодным ужом прополз омерзительный влажный страх. Прополз от шеи вниз и замер где-то над брючным ремнем, на позвоночнике.

Никакой ты не гордый победитель, так прошипел ему этот страх, неизвестно как материализовавшийся еще и в голове, и рептилия на позвоночнике шевельнулась.

Никаких ошибок ты не совершал. Ты совершил преступление и будешь за него отвечать.

Отвечать, отвечать…

Ты слабый и хлипкий, зарвавшийся мальчишка. Чтобы не отвечать, тебе придется совершить еще одно преступление, и ты вполне к нему готов. И время тебе нужно вовсе не для того, чтобы «разобраться с ошибкой», а для того, чтобы как следует подготовиться ко второму действию. Ружье, висевшее на стене в первом акте, уже выстрелило. Ты сам выстрелил из него и теперь только изображаешь, что видишь его впервые. Во втором действии тебе придется стрелять снова, а дальше – посмотрим. Тобой ведь очень легко управлять, ты слишком любишь, чтобы в твоей жизни все было хорошо и правильно, чтобы всякие безмозглые серые мыши, вроде Маруси Сурковой, стадами паслись неподалеку от твоего царственного львиного ложа, трепеща и выжидая, которую ты предпочтешь на этот раз, и млели от восторга, и, как загипнотизированные, сами шли прямо в пасть…

Димочка дрогнул всем своим хорошо ухоженным, стройным и длинным телом – он всегда очень внимательно и придирчиво следил за ним, выбирал для него наряды и подходящие диеты, холил, пестовал и вполне заслуженно гордился, – подтянул безупречную складку на брюках и положил ногу на ногу, чего старался никогда не делать, считая это дурным тоном.

На сцене что-то говорил бывший одноклассник Потапов, почтивший своим высочайшим присутствием скромный школьный праздник. В другое время Димочка с удовольствием возобновил бы знакомство, тем более они с Потаповым явно выделялись на общем фоне серых посредственностей и полунеудачников, в которых превратились все одноклассники, даже подававшие самые большие надежды. Как раз Потапов никаких надежд в школе, помнится, не подавал, и семья у него была так себе: отец инженер, а мать то ли врач, то ли акушерка в роддоме. Димочка, наоборот, цену себе всегда знал, и дружбы с Потаповым никогда не водил, и, как выяснилось, напрасно.

Впрочем, еще не поздно. Дмитрий Лазаренко – человек известный, даже можно сказать, популярный, и Потапов, если он только не остался прежним дураком и хамом пролетарского происхождения, оценит Димочкино желание как-то… объединиться перед унылой, недалекой и серой толпой.

Обретая в этих приятных думах прежнюю уверенность в себе, Димочка наткнулся взглядом на шею Мани Сурковой, которая так вертелась на своем стуле, как будто сидела на муравейнике.

Что-то там было неприятное, в истории их бурного романа. Что-то неприятное, тяжелое, отвратительное, как последнее объяснение.

Ах, да. Ребенок.

Она забеременела и решила, что Димочка возжелает немедленно стать отцом. Она ни за что не соглашалась делать аборт, потому что, видите ли, хотела ребенка. Все было как в

кино: он подлец, она святая, только Димочка, в отличие от киношных героев, виноватым себя совершенно не чувствовал и был уверен, что и двадцать, и тридцать, и сорок лет спустя ему будет совершенно наплевать на этого ребенка, каким бы он ни был. Его существование или несуществование не имело к нему никакого отношения и было ему неинтересно.

Тогда на прощанье Лазаренко поцеловал ее в макушку, потрепал по персиковой, «подлинной», не обезображенной никакой косметикой щечке, и больше никогда ее не видел.

Может, она даже и родила тогда сдуру, кто ее знает. Секунду он думал, не стоит ли ее спросить, когда кончится эта всем надоевшая волынка с речами и приветствиями, и решил, что спрашивать не станет. Еще ударится в воспоминания, слезы и сопли, что он тогда будет с ней делать?

Кроме того, он должен выполнить то, ради чего, собственно, и пришел сюда.

Он старался не думать об этом, задвигая мысли в самый темный угол сознания, и знал, что, когда ему все же придется заглянуть туда, он увидит все ту же отвратительную до дрожи рептилию страха.

Если бы она не узнала, у него было бы время все исправить. Он просто-напросто сделал ошибку. Он не хотел ничего дурного, он просто сделал ужасную ошибку и готов…

Нет.

Дмитрий Лазаренко, успешный, известный, талантливый, не может, не должен так унижаться. Он сделает все, как ему велели, а потом придумает что-нибудь, выйдет из-под ее контроля, не даст манипулировать собой только из-за того, что она узнала о его ошибке. Он всегда отлично находил выход из любого положения, виртуозно придумывал всякие ходы и точно знал, что нужно делать, чтобы выйти сухим из воды.

«Это не мои сигареты, мама! Ты что, мне не веришь?! Ты с ума сошла, разве я стал бы курить?! Я не брал никаких денег! Мама, мне нужно работать, а отец пристал с какими-то деньгами! А бабушка пусть купит другие очки, если ей кажется, что она видела меня среди бела дня на „Пушке“! Я ездил к литераторше в Марьину Рощу! Ну приехал в полдвенадцатого! Мне ведь нужно к экзаменам готовиться, вот я и…»

По совершенно непонятной для Димочки причине и родители, и бабушка верили ему безгранично и абсолютно. И в один прекрасный день он решил, что и сочинять ему совершенно незачем, достаточно просто послать их подальше, чтобы не приставали. Черт их знает – то ли они на самом деле были так непробиваемо тупы, то ли им слишком хотелось верить своему мальчику, то ли недосуг было проверять его слова, но доверять ему они не перестали. Это окончательно разрушило Димочкино к ним уважение, зато многократно облегчило ему жизнь. С годами он стал относиться к ним снисходительнее: все-таки родственники, можно сказать, «родная кровь», да и пользы от них больше, чем вреда, – заказ от мэрии, две картины в Манеже, а также мамины борщи и свеженькие денежные купюры, смущенно сунутые в Димочкин карман!

Надо им позвонить или даже наведаться, что ли! Правда, бабка опять пристанет с разговорами о том, что нужно «жить для других, а не только для себя», а также, что «в наше время работать ради денег считалось позорным!».

Позорным или не позорным, но бабка всю жизнь прожила с зятем, Димочкиным отцом, который только и делал, что работал ради денег, и она отлично пользовалась и этими позорными денежками, и его положением.

Принципиальная и непримиримая партячейка, наведываясь к бабке, всегда заседала в просторной и теплой гостиной, за круглым, орехового дерева столом, который когда-то сработал вечно пьяный самородок, пролетарий-краснодеревщик дядя Юра. Чай подавала домработница Люся. У нее был кружевной передничек и полные белые руки. Английский фарфор партячейке не полагался, поэтому пили из лубочных гжельских кружек, и ванильный кексик Люсиного изготовления отсвечивал желтым сытным краем на расписной тарелочке, и белый

хлеб дышал в просторной плетенке, и докторская, тоже вполне пролетарская, колбаска прилагалась к этому хлебу… Партячейка любила обсудить свои насущные дела по обращению человечества в истинную марксистскую веру именно за этим столом, что юного Димочку чрезвычайно забавляло. Кажется, они до сих пор приходят, эти полоумные старики и старухи.

Он вновь шевельнулся на стуле и услышал, как отчетливо хрустнул в нагрудном кармане рубахи сложенный вчетверо листочек с инструкциями. Лазаренко показалось, что грянул гром и сверкнула молния, что этот хруст услыхали все, и все поняли, что он больше не тот Димочка Лазаренко, удачливый, успешный, великосветский и тонкий, а самый обыкновенный пошлый преступник, которому предстоит, обливаясь холодным трусливым потом, продолжить то, что он начал так бездарно.

Он справится. Он обязательно справится. Он выполнит то, что она хочет.

А там посмотрим, кто кого!..

Евгений Петрович Первушин пришел на вечер одним из последних. Прямо перед ним на школьный порожек взбежала запыхавшаяся Маруся Суркова, которая всегда и везде опаздывала, и вихрем промчалась прямо в раздевалку, на ходу стаскивая умеренно модное пальтецо.

Даже в зеркало на себя не взглянула. Даже по сторонам не посмотрела, как делали все, кто входил в залитый беспощадным светом и выкрашенный в голубой исподний цвет школьный вестибюль. Впрочем, Суркова всегда была со странностями и вечно делала что-то не так. Ведь именно за этим бывшие ученики сюда и шли – людей посмотреть, себя показать, точно установить, кто лучше, кто хуже. Кто «состоялся», а кто – нет. Кто совсем плох, а кто и несказанно хорош, вроде сегодняшнего главного лица – Потапова.

Надо же, как все сложилось!

Казалось бы – Потапов! Ну что он из себя представлял? Да ничего он из себя никогда не представлял! Серая посредственность, закопавшаяся в английских глаголах.

В шестом классе родители зачем-то отдали его на теннис, и он стал ходить с ракеткой. Ракеточка у него была самая дерьмовенькая, в самодельном брезентовом чехле, на дне которого болтались еще советские сине-красные кеды на резиновом ходу. Потапов свою ракеточку обожал, таскал за собой из класса в класс, или, как это называлось, из «кабинета» в «кабинет», в раздевалке не оставлял, все боялся, что у него сопрут такую драгоценность!

И «драгоценность», конечно, в один прекрасный день сперли. Прямо из «кабинета».

Евгений Петрович улыбнулся, рассматривая сидящего на сцене, такого важного нынче Потапова. Как он метался, ища свой безобразный брезентовый мешок! Как приставал ко всем – не видел ли его кто! Как бегал в туалет и лазил за все толчки, проверял, не там ли он! Как потом помчался в раздевалку и долго и бестолково тыкался в разные стороны, а мешок все не находился! В конце концов он ушел за школу, чтобы его никто не видел, и кулаком утирал слезы, слизняк лопоухий, и там его, зареванного, в соплях и горе, засекла первая красавица класса Динка Больц, в которую все были тогда влюблены, и Потапов тоже!

Наверное, эта ракетка в истлевшем брезентовом мешке до сих пор гниет там, куда ее засунул тогда Первушин – за пожарным щитом на стене макулатурного сарая. Женька засовывал, а Вовка Сидорин, комсорг, приплясывая от нетерпения, караулил за углом с осыпавшейся штукатуркой и выцарапанным сердцем с надписью «love».

Ах, молодость, молодость!..

Евгению Петровичу, как и всем его одноклассникам, в этом году должно было исполниться тридцать три, но он чувствовал себя умудренным жизнью старцем. Он чувствовал себя таким лет с десяти, наверное.

Он никогда не был так отвратительно глуп, как большинство его приятелей. Он всегда совершенно точно знал, чего хочет, и отлично предвидел опасности, возможные последствия и обязательные неприятности. Все свои, даже вполне мальчишеские, предприятия он начинал и

заканчивал в точном соответствии с собственным сценарием, и ему это нравилось. В отличие от всех остальных он никогда не боялся учителей и не считал их небожителями. Он изучал их слабости и отлично ими пользовался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.